

ТЮРКСКИЙ МИР

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 2, Number 306 (2016), 61 – 66

UYGHUR COMMUNITY AND 'MASHRAB-OTTUZ-OGHUL': ROLE AND SIGNIFICANCE OF ISLAM

R. U. Karimova

Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleymanov, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: risalat.karimova@mail.ru

Key words: Uyghur community, male gatherings, social life, traditions, Islam.

Abstract. Uyghurs traditionally are united in communities at various levels that regulated social life of people and resolved a lot of community problems. In the cities these are communities - zhut makhallya, and smaller communities within the makhallya, male gatherings - ottuz oghul or mashrab-ottuz oghul, in the villages - village communities and numerous otuz oghuls. The article attempts to reveal influence of Islam on social life of the Uyghurs, on formation and development of social institutes - community (zhut, zhama'at) and male gatherings (mashrab-ottuz-oghul).

УДК 39: 323.1 (574)

УЙГУРСКАЯ ОБЩИНА И «МАШРАБ-ОТТУЗ ОГУЛ»: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИСЛАМА

Р. У. Каримова

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейманова КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: уйгурская община, мужские объединения, социальная жизнь, традиции, ислам.

Аннотация. Уйгуры традиционно объединены в общины разного уровня, регулировавшие социальную жизнь населения и решавшие множество общенных проблем. В городах это квартальные общины – жут махалля и, более мелкие в рамках махалля, мужские объединения – оттуз огул или машраб-оттуз огул, в селениях – сельская община и множество оттуз огул.

Задачей данной статьи является выявление влияния ислама на социальную жизнь уйголов, на формирование и развитие их социальных институтов – общины (жут, жамаат) и мужских объединений (машраб-оттуз огул).

Социальная жизнь уйголов, в том числе история происхождения и развития такого социального института как мужские объединения или собрания – машраб-оттуз огул издавна привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Описание машраба имеется в трудах путешественников по Восточному Туркестану, востоковедов, в разное историческое время посетивших регион – Ч.Ч. Валиханова [1], Н.Е. Пржевальского [2-4], М.В. Певцова [5], В.И. Роборовского [6], Г.Е. Грумм-Гржимайло [7], А. фон Лекока [8], Г. Рэкета [9], С. Муканова [10]. Сведения о машрабе (*майлисе*), относящиеся к началу XX века, содержатся в трудах российского востоковеда Н.Н. Пантусова [11-12]. Специальный раздел в своей

монографии посвятила машрабу современный российский востоковед Л.А. Чвырь [13]. Исследованием социальных институтов уйголов Казахстана занимались в последние десятилетия американские антропологи Ш. Робертс [14] и У. Кларк [15]. Казахстанские востоковеды А.К. Камалов [16, 17], Р.У. Каримова [18], Р.К. Юсупов, Х.В. Масимова [19] разрабатывают различные вопросы социальной жизни уйголов в рамках научных проектов, в частности, проекта «Тюркоязычные этносы суверенного Казахстана в процессе формирования государственной идентичности».

Уйгуры традиционно объединены в общины разного уровня, регулирующие социальную жизнь населения. В городах это городская община – *жамаат* (*әжамаәт*), жут, квартальные общины – *жут махалля* и, более мелкие в рамках махалля, мужские объединения – *оттуз огул* или *машраб-оттуз огул*, в селениях – сельская община и множество *оттуз огул*. Уйгурские общины и специально выбранные для отправления общинных дел люди – *жигит-беси* занимаются решением таких проблем, как поддержание в порядке улиц и общественных мест в местах компактного проживания уйголов, особенно в селах; проведение общинных мероприятий, связанных с обрядовой культурой (обрязание, свадебный, погребальный циклы и пр.); организацию помощи нуждающимся и т.д. *Жигит-беси* как официальные представители общины участвуют в разных социальных событиях общинного, межобщинного и более широкого охвата мероприятиях.

Влияние ислама на социальную жизнь уйголов нагляднее всего иллюстрируется историей развития мужских объединений в рамках *оттуз огул* или *машраб-оттуз огул*. Поскольку в процессе исследования выявилось принципиально различное понимание сущности машраба (мероприятие мужского объединения, увеселительное мероприятие с участием мужчин и женщин), то мы считаем целесообразным использование тождественного *машраб* термина *оттуз огул*, смысловое содержание которого наиболее полно совпадает с назначением мужских объединений. Удобно также использование сдвоенного термина *машраб-оттуз огул*, поскольку наши полевые материалы, собранные в пределах города Алматы и в уйгурских селениях Алматинской области [20] показали, что современные уйгуры воспринимают эти термины как тождественные. Некоторые функции общины и *машраб-оттуз огул*, как мы увидим ниже совпадают, поэтому чтобы избежать повторов, в таких случаях мы рассматриваем влияние ислама на оба социальных института.

Происхождение мужских объединений уходит корнями в глубокую древность. Г.П. Снесарев отнес мужские объединения, известные не только у уйголов, но и некоторых других народов Средней Азии, к реликтам «первобытнообщинного строя в стадии его разложения», основанным на принципах товарищества, военизированной дружины эпохи «военных демократий» [21, с. 1, 7]. Характерной особенностью таких объединений являются периодические собрания мужчин (селения или квартала). Общаясь за трапезой, мужчины решали общественные дела, обменивались советами по семейным и хозяйственным делам.

У уйголов собрания устраивались поочередно в разных жилых домах, в специально приготовленной и оформленной комнате. Здесь мужчины проводили свободное от работы вечернее время осенью или зимой. Интерес представляют сведения о том, что огонь в комнате разжигался у северной стены и слева от него сидел почетный член машраба – *қадый* (*қази*). Возглавлял стол *юзбашы*, все остальные располагались по желанию, произвольно, но поза была обязательной, на пятках, коленях, либо йэктиз (сидя на одной, подогнутой под себя ноге, а колено другой направлено вверх при прямой спине) [9, с. 15-16, 18; 22, с. 123].

Мужские объединения имели внутреннее самоуправление и органы для его функционирования. Наиболее почетную и важную роль в мужских объединениях играл руководитель, избираемый из числа наиболее зажиточных, уважаемых и опытных членов сообщества. В расчененных по возрастам объединениях у руководителя имелся штат помощников. Для обозначения руководителя мужского объединения у уйголов Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии имелся специальный термин –*жигит-беси* («глава джигитов»). Помимо руководителя уйгурского *машраб-оттуз огул* избирались его помощник – *пасиап-бег*, который был обладателем ритуального жезла *гүл-тайак*, кюль *бег*, ответственный за организацию отличавшейся сложностью трапезы и *қази* – выборный судья [22, с. 122].

О развитости мужских объединений свидетельствует их градация соответственно возрастам, в частности наличие молодежных объединений. У уйголов-таранчей (Кульджинский край) в нерасчененных объединениях такая градация, как отмечал Н.Н. Пантусов, строго соблюдалась в рассаживании участников машраба строго по возрастам, т.е. отдельно старших и младших [23, с. 10-12].

Одна из важных функций мужских объединений – воспитательная. Механизм ее воздействия наиболее ярко прослеживается в объединениях со смешанным возрастным контингентом. В них молодежь под наблюдением и руководством старших членов сообщества постигает традиционные нормы поведения. По-видимому, для эффективности усвоения навыков, была разработана и в прошлом широко применялась система штрафов и наказаний. Наказания были достаточно строгими, они могли весьма ощутимо сказаться на финансовом состоянии нарушителя, если ему, например, вменялось дополнительное внеочередное угожение коллектива. Некоторые наказания становились серьезным испытанием мужественности и физической выносливости молодых людей и по своей сути они напоминают обряды инициаций или посвящения в союз мужчин, описанные у народов, находившихся в стадии развития, соответствующего первобытному обществу [21, с. 5].

Строгая дисциплина и наказания за ее нарушение, например, за опоздание или пропуск одного вечера, нарушение принятой позы, грубость, хамство и пр. также присущи уйгурским *машраб-оттуз огул*. Интересно упоминание штрафов в уйгурском машрабе, которые выплачивались яблоками, называвшимися в шутку «баранами». Вообще яблоки в уйгурском *машраб-оттуз огул* были особым атрибутом, использующимся не только в качестве платы за штраф, но и в играх, распределении очередности в проведении *машраб-оттуз огул*. Нарушения правил поведения в социуме также разбирались в рамках *машраб-оттуз огул* на основе поступившей жалобы и в этой процедуре, нередко проводимой в шуточной форме, принимал участие *қази*. Если провинившийся член *машраб-оттуз огул* мог убедительно, а главное остроумно оправдаться, его прощали, присудив незначительный штраф. Однако за более серьезные проступки наказание было достаточно чувствительным: помимо всеобщего осуждения назначалось унизительное наказание, например *сурети тамга*, когда виновного раздевали до пояса, ставили на айване (открытой террасе) лицом к стене с разведенными в стороны руками и каждый член *машраб-оттуз огул* должен был, набрав в рот воды, обрызгать его таким образом, чтобы общими усилиями на стене образовался крестообразный силуэт его фигуры. Если учесть, что время проведения машрабов приходилось в основном на осень и зиму, то это было довольно суровое наказание [23, с. 122–126].

В молодежных мужских объединениях обязанность следовать традиционным нормам поведения неукоснительно соблюдалась, а система штрафов и наказаний действовала даже более строго. Молодежные мужские состязания (конные, борьба, бег, кулачные бои и пр.) исследователи (21, с. 5–6) также относят к традиционной системе воспитания. Рассматривать мужские объединения и собрания во взаимосвязи с обрядами инициаций, т.е. переходом от детства или юношества к взрослому возрасту или же с вступлением в мужское объединение воспринимается нами как весьма оправданное, дающее возможность проследить генезис мужских объединений от самых ранних этапов развития. Эта взаимосвязь убедительно подтверждается примерами центральноазиатского эпоса и культурной антропологии. Достаточно вспомнить содержание героического огузского эпоса «Китаби Деде Коркут» XI–XV вв. («Книга моего деда Коркута»), где в одном из дастанов говорится о том, что юноша получал имя только после того как убьет своего первого врага [24, с. 207].

Развлекательная функция мужских собраний как одна из основных отмечается как в Средней Азии, так и у уйголов Восточного Туркестана. Ей уделялось так много внимания, что мужские собрания со временем стали восприниматься как одна из форм проведения досуга. Совместная трапеза сопровождалась пением, танцами, играми, беседами, чтением религиозной литературы, классических художественных и музыкальных произведений, театрализованными сценками. В религиозно-культурных традициях уйголов музыка занимала особо важное место, поэтому много внимания уделялось музыкальному оформлению *машраб-оттуз огул*: приглашались профессиональные музыканты, исполнители макамов. Молодежь не только слушала, но и заучивала мелодии и тексты произведений, училась играть на музыкальных инструментах [9, с. 123].

В XX в. собрания мужских объединений трансформировались настолько, что было забыто их первоначальное назначение, и сохранилась прежде всего их развлекательная функция. Однако некоторые из упомянутых характерных черт, присущих мужским объединениям, свидетельствуют об их несомненной связи с общими корнями, восходящими к ранним этапам развития социума и ставят под сомнение предположения об их сугубо развлекательном назначении. К упомянутым чертам можно отнести строгую изоляцию мужских собраний от женщин, наличие реальных органов самоуправления, разработанную систему штрафов и наказаний, которые приводят нас к известным параллелям [25, с. 311].

Некоторые исследователи (Ш. Робертс [14], У. Кларк [15]) прослеживают такую тесную взаимосвязь между общиной и *машраб-оттуз огул*, что появление уйгурских *жутов*, возглавляемых *жигит-беши*, они связывают с возрождением института машраб на территории постсоветской Центральной Азии.

На формирование уйгурского *машраб-оттуз огул* оказали влияние все религии, имевшие распространение в Восточном Туркестане – буддизм, зороастризм, манихейство, несторианско-христианство, ислам. Однако влияние ислама на *машраб-оттуз огул* имело определяющее значение, поскольку утвердившаяся в древности форма мужского собрания в средневековый период наполнилась новым исламским содержанием, в свою очередь внесшим коррективы в существовавшую ранее форму. Даже самый распространенный термин для обозначения мужских собраний уйголов – *машраб* имеет арабское происхождение и связан с распространением в Восточном Туркестане арабской исламской культуры. Таким образом, *машраб-оттуз огул* получил дальнейшее развитие и завершающее формирование в мусульманский период истории региона.

Ислам распространялся в Восточном Туркестане в течение длительного времени. Впервые он был принят на северо-западе региона в Караканидском государстве в середине X века. Первым караканидом, принявшим ислам, был Сатук Богра-хан, нареченный мусульманским именем Абд ал-Керим. В семнадцать лет Сатук Богра-хан при поддержке центральноазиатской мусульманской династии Саманидов стал ханом [26, с. 104–106; 27, с. 130–132]. Придя к власти Сатук Богра-хан, как и его потомки, стал ревностно распространять новую религию во всем государстве и за его пределами. Сын Сатук Богра-хана, Муса, воцарившийся на престоле в 955 г., объявил ислам государственной религией [28, с. 245–246].

Караханиды распространяли ислам в сопредельном Хотанском ханстве. В результате длительной и ожесточенной войны, проходившей с переменным успехом между уйгурами-мусульманами и уйгурами-буддистами (бутпарастами) в начале XI в., Хотанское ханство было завоевано Караханидом Кадыр-ханом Иусуф б. Харуном [27, с. 342-343].

В Уйгурском турфанском государстве ислам распространился значительно позже, начиная с 1369 г., когда оно было завоевано ханом Могулистана Хызр Ходжой. Хызр Ходжа-хан присоединил Уйгурское турфанское государство к территории своей страны и тем самым положил конец его полтысячелетнему самостоятельному существования и господству буддизма.

Религии, как известно, несут с собой новое мировоззрение и связанную с ним культуру культа. Ислам, не отличавшийся особой терпимостью к инакомыслию в вопросах веры, тем не менее, не отрицал местные культурные традиции, а как бы приспособливал эти достижения таким образом, что они способствовали быстрому усвоению новой религии. Со временем население региона стало воспринимать ислам как исконную религию отцов, исповедавшуюся с незапамятных времен.

Суфийские корни уйгурского машраба обосновала Л.А. Чывыр [22]. Результаты нашего исследования социального института *машраб-оттуз огул* также свидетельствуют о его всесторонней связи с исламом. Как же проявляется связь *машраб-оттуз огул* с исламом:

– время проведения *оттуз огул* приурочено к вечернему и утреннему намазу, т.е. начиналось собрание после вечернего намаза (с наступлением сумерек) и завершалось к утреннему;

– на мужском собрании целенаправленно осуществлялось приобщение (образовательная функция) к более глубокому познанию основ ислама – совместное чтение молитв, громкое чтение религиозной мусульманской литературы, таких, к примеру, таких сочинений, как «Кисас ал-анбия» Рабгузи, «Тазкират ал-авлийа» Аттара, «Нафакат ал-унс» Джами, «Рашахат» Кашифи Харави, «Шах-наме» Фирдоуси и др. Большим успехом пользовались также произведения суфия Ахмада Йасави, Сулеймана Бакыргани, Шайха Алла-Йара и др. Сочинение «Кисас ал-анбия» (Рассказы о пророках) тюркоязычного автора Насреддина Рабгузи (XIII–XIV вв.), включает 72 повествования о житии пророков, основанных на библейских и коранических сюжетах и носящих дидактический характер. Сочинение суфийского автора Фарида-ад-дина Аттара (119–1234) «Тазкират ал-авлийа» (Повествования о святых) содержит легенды о святых, сказки и проповеди, направленные на благовоспитанность и мораль. Сочинение «Нафакат ал-унс», написанное Абдурахманом Джами в 1461–1462 гг. содержит более 600 жизнеописаний известных суфииев (подробнее о литературе см. в историческом очерке);

– на мужском собрании целенаправленно осуществлялось воспитание (воспитательная функция), усвоение норм поведения – *машрабханлық*, соблюдаемых в собраниях мужской части населения, в особенности молодежи – в местных традициях, ориентирующихся на строгие каноны исламской традиции;

– совместная трапеза на мужском собрании сопровождалась пением, танцами, играми, беседами, чтением классических художественных и прослушиванием музыкальных произведений, театрализованными сценками (развлекательная функция):

1) беседы часто затрагивали религиозную тематику;

2) классические художественные и музыкальные произведения, театрализованные сценки, игры отражали развитие традиционной культуры, сформировавшейся в целом в исламский период;

– в обсуждении насущных вопросов жизнедеятельности общины. Самые важные вопросы, находящиеся в ведении уйгурской общины, связаны с регулированием социальной жизни внутри общины и ее взаимодействия с внешним окружением (государственные, муниципальные учреждения, соседние общины и т.д.). Многие из решаемых вопросов связаны напрямую или опосредовано с исламом: 1) строительство общинной или межобщинной мечети; 2) благоустройство мусульманского кладбища и пр. проблемы погребения; 3) проведение традиционных обрядовых мероприятий (свадьба, суннат той, поминки);

Машраб-оттуз огул были настолько популярны среди уйгурского населения, охватывая практически все стороны его социальной жизни, что в Семиречье они стали представлять реальную конкуренцию советским органам и по этой причине были запрещены в 1920-е годы с формулировкой, акцентированной именно на религиозном мусульманском содержании машраба как религиозной вечеринки [29, с. 418-421].

ЛИТЕРАТУРА

[1] Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Глав. ред. казах. совет. энциклопедии, 1985. – Т. 3. – 416 с.

[2] Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет. – М.: Географиз, 1948. – 406 с.

[3] Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. – М.: Географиз, 1948. – 365 с.

[4] Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М.: ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, 1947. – 156 с.

- [5] Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. – Изд. 2. – М.: Госиздат географ. лит., 1949. – 326 с.
- [6] Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. – М.: Географгиз, 1949. – 491 с.
- [7] Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Изд. второе сокращенное. – М.: Географгиз, 1948. – 684 с.
- [8] Le Coq Albert von. Von Land und Lauten in Ostturkistan. Berichtet und Abenteuer der 4 Deutschen Turfanexpedition. Leipzig: Verlag der J.C. Hinkrichssohen Buchhandlung. Leipzig, 1926. – 183 с.
- [9] Jarring G. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi. – Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang. Lund. 1975.
- [10] Муканов С. Шаги великана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 290 с.
- [11] Пантусов Н.Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Казань, 1907, Вып. 9.
- [12] Пантусов Н.Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. – Вып. 8. – 21 с.
- [13] Чырып Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. Москва: Изд-во “Восточная литература” РАН, 2006. – 288 с.
- [14] Roberts Sean. Uyghur Neighborhoods and Nationalism in the Former Sino-Soviet Borderland: An Historical Ethnography of Stateless Nation On the Marchins of Modernity. Ph.D. Dissertation. Los Angeles: University of Southern California. August, 2003.
- [15] Clark William. The role of zhigit beshi in the Uyghur community of Kazakhstan // Уйгурология в Казахстане: традиция и новация. Под ред. А.К.Камалова. Алматы: Наши мир, 2006. – С. 157-159.
- [16] Камалов А.К. Локальная история уйгуров Казахстана и казахстанская идентичность // Тюркоязычные этносы суверенного Казахстана в процессе формирования государственной идентичности: материалы круглого стола. – Алматы: Мир, 2015.
- [17] Камалов А.К. Диаспора и идентичность: дискурс «родины» и гражданская идентичность уйгуров Казахстана // Вестник тюркского мира. – Махачкала, 2015. – №1(8). – С. 45-50.
- [18] Каримова Р.У. К сравнительному исследованию уйгурского машраба // Материалы международной научно-практической конференции «Историко-культурные и экономические аспекты взаимоотношений Центральной Азии и Китая». – Алматы, 2015. – С. 9-12.
- [19] Масимова Х.В. Уйгурларнц ижтимаий институти – мәшрәп вә унинға айт аталғулар // Тюркоязычные этносы суверенного Казахстана в процессе формирования государственной идентичности: материалы круглого стола. – Алматы: Мир, 2015.
- [20] Полевой материал, собранный автором в этнографических экспедициях в Казахстане в 2015 г.
- [21] Снесарев Г.П. О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964
- [22] Чырып Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. – М.: «Восточная литература» РАН, 2006
- [23] Пантусов Н.Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Казань, 1907, Вып. 9
- [24] Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 годах // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Глав. ред. казах. совет. энциклопедии, 1985. – Т. 3. – 416 с.
- [25] Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: Наука, 1948. Экскурс III. – С. 282-338.
- [26] Абу-л-Фадл ибн Мухаммад Джамал ад-Дин Карши. Мулхакат ас-Сурах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. – Ташкент: Фан, 1988. – С. 100-131.
- [27] Бартольд В. В. Средняя Азия до XII в. // Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 1. – С. 238-285.
- [28] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 2, ч. 1. – С. 169-433.
- [29] АОГА КазССР ф. 94 с/р оп. 1 д 42 св. 6 с. 418-421 (Материалы Камалова А.К.)

REFERENCES

- [1] Valihanov Ch.Ch. O sostojanii Altyshara ili shesti vostochnyh gorodov kitajskoj provincii Nan-Lu (Maloj Buharii) v 1858-1859 godah // Sobr. soch.: v 5 t. – Alma-Ata: Glav. red. kazah. sovet. jenciklopedii, 1985. – T. 3. – 416 s.
- [2] Przheval'skij N.M. Iz Zajsana cherez Hami v Tibet. – M.: Geografgiz, 1948. – 406 s.
- [3] Przheval'skij N.M. Ot Kjahty na istoki Zheltoj reki. – M.: Geografgiz, 1948. – 365 s.
- [4] Przheval'skij N.M. Ot Kul'dzhi za Tjan'-Shan' i na Lob-Nor. M.: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literature, 1947. – 156 s.
- [5] Pevcov M.V. Puteshestvie v Kashgariju i Kun-Lun'. – Izd. 2. – M.: Gosizdat geograf. lit., 1949. – 326 s.
- [6] Roborovskij V.I. Puteshestvie v Vostochnyj Tjan'-Shan' i v Nan'-Shan' – M.: Geografgiz, 1949. – 491 s.
- [7] Grumm-Grzhimajlo G.E. Opisanie puteshestvija v Zapadnyj Kitaj. Izd. vtoroe sokrashchennoe. – M.: Geografgiz, 1948. – 684 s.

- [8] Le Coq Albert von. Von Land und Lauten in Ostturkistan. Bericht und Abenteuer der 4 Deutschen Turfanexpedition. Leipzig: Verlag der J.C.Hinkrichssohen Buchhandlung. Leipzig, 1926. – 183 с.
- [9] Jarring G. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi. – Ethnological and Folkljristic Materials from Southern Sinkiang. Lund, 1975.
- [10] Mukhanov S. Shagi velikana. – Alma-Ata: Kazgosizdat, 1960. – 290 с.
- [11] Pantusov N.N. Materialy k izucheniju narechiya taranchej Ilijskogo okruga. Kazan', 1907, Vyp. 9.
- [12] Pantusov N.N. Materialy k izucheniju narechiya taranchej Ilijskogo okruga. – Kazan': Típo-litografija Imperatorskogo Universiteta, 1907. – Vyp. 8. – 21 s.
- [13] Chvyr' L.A. Obrjady i verovanija ujgurov v XIX-XX vv. Moskva: Izd-vo "Vostochnaja literatura" RAN, 2006. – 288 s.
- [14] Roberts Sean. Uyghur Neighborhoods and Nationalism in the Former Sino-Soviet Borderland: An Historical Ethnography of Stateless Nation On the Marchins of Modernity. Ph.D. Dissertation. Los Angeles: University of Southern California. August, 2003.
- [15] Clark William. The role of zhigit beshi in the Uyghur community of Kazakhstan // Уйгуроедение в Казахстане: традиция и новация. Под ред. А.К.Камалова. Алматы: Наш мир, 2006. – С. 157-159.
- [16] Kamalov A.K. Lokal'naja istorija ujgurov Kazahstana i kazahstanskaja identichnost' // Tjurkojazychnye jetnosy suverennogo Kazahstana v processe formirovaniya gosudarstvennoj identichnosti: materialy kruglogo stola. – Almaty: Mir, 2015.
- [17] Kamalov A.K. Diaspora i identichnost': diskurs «rodiny» i grazhdanskaja identichnost' ujgurov Kazahstana // Vestnik tjurkskogo mira. – Mahachkala, 2015. – №1(8). – S. 45-50.
- [18] Karimova R.U. K sravnitel'nomu issledovaniju ujgurskogo mashraba // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Istoriko-kul'turnye i jekonomicheskie aspekty vzaimootnoshenij Central'noj Azii i Kitaja». – Almaty, 2015. – S. 9-12.
- [19] Masimova H.V. Ujurlarniç iztimaij instituti – məshrəp və unıñra ait atalrular // Tjurkojazychnye jetnosy suverennogo Kazahstana v processe formirovaniya gosudarstvennoj identichnosti: materialy kruglogo stola. – Almaty: Mir, 2015.
- [20] Polevoy material, sobrannyiy avtrom v etnograficheskikh ekspeditsiyah v Kazahstane v 2015 g.
- [21] Snesarev G.P. O reliktah mujskih soyuzov v istorii narodov Sredney Azii // VII međunarodnyiy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. – M.: Nauka, 1964
- [22] CHvyir L.A. Obryady i verovaniya uygurov v XIX–XX vv. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2006
- [23] Pantusov N.N. Materialy k izucheniju narechiya taranchej Ilijskogo okruga. Kazan, 1907, Vyip. 9
- [24] Valihanov CH. CH. O sostoyanii Altyishara ili shesti vostochnyih gorodov kitayskoy provintsii Nan-Lu (Maloy Buharii) v 1858-1859 godah // Sobl. soch.: v 5 t. – Alma-Ata: Glav. red. kazah. sovet. entsiklopedii, 1985. – T. 3. – 416 s.
- [25] Tolstov S.P. Drevniy Horezm. Opyit istoriko-arheologicheskogo issledovaniya. – M.: Nauka, 1948. Ekskurs III. – S. 282-338.
- [26] Abu-l-Fadl ibn Muhammad Djamal ad-Din Karshi. Mulhakat as-Surah // Materialy po istorii Sredney i TSentralnoy Azii X–XIX vv. – Tashkent: Fan, 1988. – S. 100-131.
- [27] Bartold V. V. Srednyaya Aziya do XII v. // Sochineniya: v 9 t. – M.: Nauka, 1963. – T. 1. – S. 238-285.
- [28] Bartold V. V. Istoriya kulturnoy jizni Turkestana // Sochineniya: v 9 t. – M.: Nauka, 1963. – T. 2, ch. 1. – S. 169-433.
- [29] AOGA KazSSR f. 94 s/r op. 1 d 42 sv. 6 s. 418-421 (Materialy Kamalova A.K.).

ҮЙГЫР ҚАУЫМДАСТЫҒЫ ЖӘНЕ «МАШРАБ-ОТТУЗ ОҒУЛ»: ИСЛАМНЫҢ РӨЛІ МЕН МАҢЫЗЫ

Р. О. Кәрімова

ҚР БФМ FK Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

Тұйین сөздер: үйғыр қауымдастығы, еркектер бірлестігі, қоғамдық өмір, дәстүр, ислам.

Аннотация. Үйғырлар халықтың әлеуметтік өмірін реттейтін және көптеген қоғамдық мәселелерді шешетін, әр түрлі деңгейдегі дәстүрлі қауымдастықтарға біріккен. Қалаларда бұл аймақтық қауымдастық – жұт махалля және, оданда кіші махалла шенберінде, еркектер бірлестігі – оттұз оғул немесе машраб-оттұз оғул, ауылдарда – ауылдық қауымдастық және көптеген оттұз оғул.

Осы мақаланың мақсаты үйғырлардың қоғамдық өміріне исламның ықпалы, және әлеуметтік институттардың – қауым (жұт, жұмасағат) және еркектер бірлестігінің (машраб-оттұз оғул) қалыптасуы және дамуын анықтау болып табылады.

Поступила 17.03.2016 г.